

БЛЕЙК ПИРС

НЕВ

ЫСКА

ЗАННОЕ

КНИГА №4 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

Серия триллеров о Коре Шилдс

Блейк Пирс

Невысказанное

«Lukeman Literary Management Ltd»

Пирс Б.

Невысказанное / Б. Пирс — «Lukeman Literary Management Ltd»,
— (Серия триллеров о Коре Шилдс)

Это четвёртый роман в новой серии от автора бестселлеров №1 и автора бестселлеров USA Today Блейка Пирса, чьи бестселлеры получили более 7000 пятизвёздочных оценок и отзывов. Внешне Кора Шилдс — настоящая крутышка. Ветеран морских котиков и лучший агент Отдела поведенческого анализа ФБР, Кора имеет репутацию человека, который сделает всё необходимое, чтобы поймать убийцу. Но никто не знает, что внутри она разбита, зависима от обезболивающих и находится в глубокой депрессии. Иногда дела нужно вести за пределами закона. Без поддержки Кора наконец свободна действовать, нарушать столько правил, сколько ей нужно, любой ценой, чтобы уничтожить убийц. Она нашла своё новое призвание. Но станет ли оно также её погибелью? Захватывающий и душераздирающий криминальный триллер с блестящей и измученной мстительницей в главной роли, эта серия — увлекательная тайна, наполненная непрерывным действием, напряжением, поворотами и неожиданностями, откровениями и движимая головокружительным темпом, который заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи.

© Пирс Б.

© Lukeman Literary Management Ltd

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	8
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	16
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	25
ГЛАВА ПЯТАЯ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

БЛЕЙК ПИРС НЕВЫСКАЗАННОЕ

КНИГА №4 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

ПРОЛОГ

Скрип. Скрип.

Кресло-качалка медленно ходило взад-вперёд по деревянному полу. Хихиканье. Вспышка быстрых движений больших пальцев по светящемуся экрану телефона. Ещё одно хихиканье.

– Прелесть, – произнёс он мягким, певучим голосом. Голосом нежным, как лилии, качающиеся на летнем ветру. Голосом, похожим на гладкий камень, найденный на промытом дне реки.

Скрип. Скрип.

Он оттолкнулся ногами от шершавого, не покрытого лаком деревянного пола. В окно сбоку он заметил движение у причала внизу. Кран как раз грузил на судно контейнеры. Большой сухогруз вёз контейнеры, покрашенные в красный, белый и синий. Их легко было бы принять за патриотичные, если бы не имя на борту. *Le Petite*.

Он всмотрелся через тонированное стекло, глядя на океан. А потом резко перевёл взгляд на женщину напротив. – Так какой у тебя любимый цвет? – спросил он тем же высоким, певучим голосом.

Она не ответила. Он поднял глаза от телефона, от сообщений, нахмурился. – Ты меня слышала? – твёрдо сказал он.

Она покачала головой, в глазах плескался страх. Кляп, раньше стянутый на её рту, теперь сполз под подбородок и выглядел нелепо – как седая, запачканная слюной борода Санта-Клауса. Он болтался, пока она мотала головой; она всхлипнула, и слёзы покатились по щекам.

Запястья женщины были привязаны к неподвижному металлическому стулу. *Скрип, скрип* его собственного кресла тянулся зловеще в тишине.

Женщина запинаясь выдавила: – П-пожалуйста!

– Нет, – резко сказал он. – Мы это уже проходили. Просто ответь на вопрос, иначе кляп вернётся на место. Ну? Какой у тебя любимый цвет? И помни... *НЕ ВРИ!* Последние слова он выкрикнул, и голос сорвался в внезапную вспышку ярости.

Она дрожала, но всё же сумела выдать: – Синий! Мой любимый цвет – синий.

Мужчина успокоился, улыбнулся и изящно, почти по-женски махнул рукой в сторону окна. – Синий, как море, – сказал он. – Синий, как твои глаза. У тебя очень красивые глаза. – И снова уткнулся в телефон, быстро набирая текст, и опять захихикал, получив ответ.

На женщину он не смотрел. Да и не особенно хотел. Она была всего лишь хранилищем информации. Инструментом в его поисках.

Появилось ещё одно облачко сообщения, и он жадно прочёл текст; по позвоночнику пробежала дрожь удовольствия, зашекотала руки.

Этот выброс дофамина был сильнее любого наркотика, что он пробовал – а пробовал он немало, – и сильнее любой еды, что ему доводилось есть.

– Какое твоё любимое воспоминание об отце? – снова спросил он, подняв глаза.

Слёзы всё текли по щекам женщины. Губы дрожали, пока она пыталась набраться смелости ответить.

Он театрально закатил глаза. – Да *ну!* – огрызнулся он. – Быстрее!

Но тут её взгляд вспыхнул. Он заметил это, увидел, как в ней поднимается решимость. Она откинула голову, раскрыла рот и закричала во весь голос.

Не успела вырваться и половина звука, как он бросился к ней. Быстро, как юркий паук. Кресло-качалка опрокинулось за его спиной и глухо *тукнуло* об пол. Но он уже был у кричащей женщины и зажал ладонью её губы, перекрыв звук, словно кто-то вдруг заткнул кран.

Он злобно уставился ей в висок.

Она была беззащитна. Туго связана, а металлический стул прикручен к полу. Оставалось только тяжело *дышать* в панике – ноздри раздувались, глаза расширялись.

Он прошептал ей на ухо:

– Это было не очень умно.

А потом натянул кляп обратно, вдавив его между губ. Она захрипела какое-то слово, какое-то извинение.

– Поздно извиняться, – прошептал он. – Попробуем ещё раз потом. А сейчас тихо: твои рыдания меня отвлекают. Нахмурившись, он вернулся к опрокинутому креслу-качалке, поднял телефон и само кресло и поставил его на место.

Опускаясь обратно на деревянное сиденье, он уставился на экран.

В порыве броситься на неё он выронил устройство – и теперь экран был треснут. *Треснут!* Он свирепо посмотрел, переведя взгляд с разбитого экрана на женщину, захлёбывающуюся паникой.

– Ты это сделала, – произнёс он сурово и повернул телефон так, чтобы она увидела, в чём именно провинилась. – *Ты* это сделала, – рявкнул он; голос дрожал от злости.

Она всхлипнула, пытаясь отодвинуться назад.

Но отступать ей было некуда.

Она застряла. Беспомощная.

За окном грузовое судно протяжно прогудело. Готовилось выйти из гавани. Стрелы кранов уже отъехали. Корабль снова возьмёт курс на Францию. Крики с причала, оклики грузчиков, рабочих, рыбаков – всё это с лихвой заглушало слабую вспышку, сорвавшуюся с его новейшей личности.

А ей, этой *личности*, как он их называл, предстояло на собственной шкуре узнать, что значит слушаться.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кора была заперта в камере предварительного содержания в подвале штаб-квартиры ФБР. *Дом* . . . единственное место, которое она по-настоящему знала как дом. Холодный бетон и решётки вокруг служили лишь границами для её утренней тренировки. Она закончила очередную подход отжиманий, поднялась и рухнула на койку позади себя, тяжело дыша.

Лоб блестел от пота. Татуировки на предплечьях уходили под рукава, особенно заметные на фоне натянутых, но сухих мышц. Кожа была горячей после двухчасового утреннего ритуала. Она делала так каждое утро: говорила себе, что тогда в голове меньше тумана.

А сейчас, задыхаясь после тренировки, она всё равно чувствовала, как мысли несутся по кругу. Она зарычала, вдавила затылок в стену у койки, вытянув ноги перед собой.

Теперь это был её дом. Такой тюремный быт, если подумать, всегда ощущался для неё чем-то родным.

Не Западная Вирджиния. Не родительский дом. Это никогда не было домом.

А здесь, в ФБР, где она когда-то была восходящей звездой – а потом её вышвырнули за ненадобностью.

По её же чёртовой вине, конечно. Она это знала. Это она позволила себе играть с трезвостью, будто с чем-то необязательным. Это она той ночью пошла на тот уличный угол – и за ней увязался частный сыщик.

Тот самый, которого заместитель директора Огден приставил следить за ней.

Вот же ублюдок.

Он проследил за ней до Западной Вирджинии. Между ними это стало личным. И теперь . . .

Она поморщилась, откинулась назад и прижала голову к холодной бетонной стене, чувствуя под черепом мягкие выступы шершавого камня. Ноги вытянулись на металлической койке. Ни одеяла. Ни подушки.

Она была здесь уже три дня. Жратва тоже была дерьмовая, но она этого и ждала и, в каком-то смысле, успела привыкнуть ещё со времён службы на флоте.

Теперь, барабанив пальцами по холодному металлу койки и слушая глухой отдающийся звук, она вздрогнула, остановилась и опустила взгляд на левую руку.

Мизинца не было. Только белая повязка туго стягивала культю. Ещё один маленький «подарок» жизни за пределами *нормы*. Схватка с местными копами в маленьком сельском городке, где жили её родители.

Она думала, что помогает. Что поступает правильно. Но жизнь умела бить в зубы. Она снова шевельнулась, поморщившись: по руке и плечу прошила вспышка боли. Она уже и сама не могла сказать, от старой ли это травмы или от какой-то новой раны, схваченной на прошлой неделе.

Она вздохнула и уставилась сквозь решётку камеры в длинный подвальный коридор – к укрепленной бетонной стене и двери напротив.

По крайней мере, на этот раз она была заперта не в подвале полицейского участка – с гранатой и дурным характером.

Некоторым вещам суждено заканчиваться слезами.

Три дня назад её арестовали – после перестрелки на старой просёлочной дороге, когда она занималась тем, что Огден назвал «самозванным вершительством правосудия», – и Кора понимала: будущее у неё вырисовывается не слишком радужное.

«Ну вот, мам, пап, полюбуйтеся», – саркастически пробормотала она себе под нос, вспоминая напряжённый разговор с родителями перед отъездом.

Очередной укол стыда – и она поморщилась. Внутри зудело желание выпить. Хотелось *чего угодно*. Но другая часть её понимала: это просто от этой неподвижности, от застойной тишины. Она заперта, один на один со своими мыслями.

Ад, одним словом.

В сознание лезли вспышки забытых воспоминаний – поднимались из тени, как бабайки. Воспоминания о боли, о перестрелках, о смерти, о потерянных друзьях и убитых врагах. О плене, о пытках, о насилии и о побеге.

Воспоминания, от которых пульсировала рана в плече.

Вот уже три дня она торчит здесь, наедине со своими чёртовыми воспоминаниями.

Вдруг – *щёлк*.

Она резко вскинула голову и оглянулась. Новый звук в этом тихом пространстве. Она уставилась на камеру над дверью в длинном коридоре: та моргала, неотрывно наблюдая.

Но теперь дверь под камерой медленно приоткрылась. К ней двинулась фигура – мужчина, чуть располневший от того, сколько времени теперь проводил за столом. В своё время региональный директор Энтони Перес был настоящей легендой полевой работы.

Тёмные волосы, морщинки у глаз. Черты лица стали даже резче, чем она помнила, и этот круглолицый мужчина среднего роста словно нёс с собой груз тревоги, закрывая за собой дверь.

Металлическая дверь *щёлкнула*, и пуленепробиваемое стекло отразило обеспокоенный взгляд регионального директора ФБР.

Но, развернувшись и пробежав взглядом по камерам, он наткнулся на неё – и выпрямился. В нём произошла та перемена, на какую способны почти все люди при власти: беспокойство и сомнение мгновенно сменились маской контроля и спокойствия.

Теперь директор Перес шагал к ней, руки мерно раскачивались вдоль тела. На нём был аккуратный костюм, помятый лишь на рукавах. Отутюженные брюки выглядели так, будто их носили уже второй день подряд. Всё в нём, по мере того как он приближался, казалось усталым и тревожным – хотя он изо всех сил старался это скрыть.

Подойдя к двери её камеры, он заглянул внутрь; его ореховые глаза отражали солнечный свет, который только-только начал пробираться через окно над её койкой.

– Мисс Шилдс, – вежливо сказал он.

Она поморщилась. Слишком часто она привыкла слышать, как он обращается к ней: *агент*. А другое слово резануло. Но она натянула на лицо такую же маску – беспечную, равнодушную, весёлую.

Её старый напарник по делам, Джонни – он, как Адель или Бейонсе, обходился одним именем, – великолепно владел тем, что они называли «глазами крокодила»: холодный, отстранённый взгляд и улыбка, которая так и не добирается до остального лица.

Теперь она направила на бывшего начальника похожую тонкогубую улыбку.

– Директор Перес, – сказала она, чуть наклонив голову.

И на этом их разговор на целую минуту закончился. Приветствие – и затем длинная полоса молчания. Никто из них её не нарушал, словно оба ждали, что это сделает другой. Но они смотрели друг на друга через прутья – молча и с осторожностью. Оба неподвижны.

Оба прикидывали друг друга, будто примеряясь. Кора просто оставалась на месте – неподвижная, прислонённая к холодной серой стене. Разглядывая мужчину напротив, она прокручивала в голове возможные варианты.

Он пришёл сказать, что её отправляют в какую-нибудь тюрьму строгого режима? Она действовала вне закона. Самосуд ФБР порицало почти так же, как что угодно. Она ещё не слышала ни о дате суда, ни о том, по каким именно статьям её будут судить. Убийство. Скорее всего – множественные убийства.

Она убрала с дороги кое-каких по-настоящему плохих парней.

Но заместитель директора Огден – подчинённый Переса и человек, который точил на Кору зуб, – плевать хотел на то, что она пыталась помочь. Разумеется, это всегда было риском – делать то, что она делала.

Она приняла этот риск, а теперь придётся расплачиваться. С висельным юмором она хмыкнула:

– Давненько не виделись, да?

Он посмотрел на неё и коротко кивнул.

– Как ты? – спросил он.

Она пожала плечами. Совсем не этого вопроса она ждала. Хотя Перес всегда был хорошим начальником. Хорошим человеком и хорошим руководителем. Не таким честолюбивым и самовлюблённым, как Огден.

– Нормально, – сказала она. – А ты?

Он выдохнул коротко, как будто стравил воздух.

– Нормально.

Она усмехнулась.

Он нахмурился.

– Что?

– Да ничего.

– Нет, скажи. Что?

– Ты просто выглядишь так, будто двенадцать раундов отбксировал с огромной горой тревоги. Спал вообще этой ночью? – произнесла она скорее шутливо и участливо, чем язвительно.

Он, похоже, уловил её тон и чуть откинулся назад, расслабляясь. Когда его на этом поймали, он словно решил, что дальше притворяться нет смысла. Будто с плеч соскользнул груз. В глазах оставались та же тревога, та же настороженность, но, откинувшись и выдохнув в потолок, он на мгновение выглядел *легче* – просто позволив заметить свою усталость.

А потом тихо сказал:

– Боюсь, у меня плохие новости.

Кора напряглась. Она почувствовала, как сводит мышцы живота. Пальцы сжались по швам.

– М-м, – медленно протянула она. – Дай угадаю: вы там добиваетесь смертной казни или чего-то такого?

Он моргнул, уставившись на неё. Ему понадобилась секунда, будто он не понял, о чём она. Но затем глаза расширились.

– Смертной – что? Нет, нет, нет. Это... нет. Я здесь вовсе не из-за этого.

Кора медленно сглотнула. Она не знала, хорошая это новость или плохая. В каком-то смысле ей почти хотелось, чтобы он просто покончил с этим и сказал, какой будет приговор. Какие обвинения. Неизвестность была едва ли не хуже.

А Перес качал головой, проводя рукой по тёмной щетине. Волосы у Кору были похожи: рыжевато-каштановые, слева выбриты, справа – до плеч. Не самая девчачья причёска, но Кору никогда и не обвиняли в любви к ароматическим свечам по осени или в умении жить в ладу со своими эмоциями.

Наконец Перес опустил руку и наклонился вперёд, положив ладонь на прутья камеры.

– Мне жаль тебе говорить, – сказал он, – но Охану выпустили из-под стражи.

Кора моргнула. *Этого* она точно не ожидала. И теперь она начинала понимать, откуда у её бывшего начальника эти складки тревоги.

– Джоша Охану? – сказала она.

– Его самого.

– Убийцу копов выпустили? Почему?

– Формальность, – тихо сказал Перес. – Процесс шёл, но там накосячили с цепочкой хранения. Подтасовка улики, как говорит судья. – Перес фыркнул. – Во всяком случае, ходатайство подал его племянник – адвокат защиты.

– Погоди... судья вёл дело своего племянника?

– Технически бывшего племянника. Развёлся с его племянницей. Я не знаю, как это у них считается. Но судья самоотвод не взял. А вышестоящие инстанции не шевельнулись. – Перес махнул рукой. – Там целая куча бардака. Как бы то ни было, Охана снова на свободе.

Кора теперь сидела прямо, свесив ноги с края металлической койки.

– Наверное, не самое удачное решение, – сказала она буднично, но внутри мысли вихрем носились.

Джош Охана, которого пресса окрестила Убийцей копов, годами охотился на членов семей сотрудников правоохранительных органов – пока несколько лет назад она наконец не вышла на него. Кора едва не погибла и выжила только благодаря вмешательству своего старого, щеголеватого напарника – агента Сола Брэди.

Вдвоём они взяли Охану. Но процесс сопровождали *многие* осложнения. И вот теперь, спустя годы, дело просто разваливают.

Она выругалась.

– Это из-за меня? – спросила она просто.

«Что? А, история в Брайарвуде, Западная Виргиния? Нет, судья обо всём этом не знал. Решение приняли в прошлом месяце. Окончательно утвердили на прошлой неделе».

«Чёрт».

Перес кивнул.

Кора нахмурилась. «Тогда зачем вы мне это говорите? Профессиональная вежливость?»

Перес потёр переносицу, и через мгновение Кора поняла: в его лице было не *только* беспокойство или тревога – там было ещё кое-что, знакомое ей слишком хорошо. *Горе*.

Но почему горе?

Её лоб прорезала складка, а потом глаза расширились. Она попыталась скрыть выражение – отвела взгляд и прочистила горло. Но теперь она вспомнила это дело. И так же отчётливо вспомнила личную вовлечённость Переса. Его собственную дочь выбрал целью Джош Охана.

«Майли, да?» – тихо сказала Кора.

Перес резко посмотрел на неё, застыл, впившись взглядом, словно решая, издевается она или нет.

Но Кора просто смотрела на него – молча, поддерживающе, стараясь смягчить черты. У неё было то, что некоторые называют «вечной стервозной миной». Она считала это скорее «сдержанностью и здравым смыслом», но, наверное, истина была где-то посередине.

При виде её выражения Перес немного расслабился, но кивок вышел деревянным. «Да, – медленно сказал он. – Майли. В этом году она должна была заканчивать университет». Его голос на миг дрогнул, но он так же быстро взял себя в руки.

Кора смотрела на него сквозь решётку, и мысли у неё понеслись вскачь. Она ожидала приговора, вердикта, какой-нибудь плохой новости. И, в каком-то смысле, то, что Убийцу Полицейских выпускают, *было* ужасной новостью. Но вместе с тем... что-то не сходилось.

Что Перес делает здесь, внизу? Чего он ждёт от неё? Рыданий? Плеча, чтобы плакать? Вспышки возмущения?

Перес никогда не казался ей человеком, который любит посочувствовать.

А если бы и любил, уж точно не с ней. Значит, оставался только один вариант.

«Вам от меня что-то надо, да?» – просто сказала она, снова откидываясь назад и прищуриваясь, оценивающе глядя из-под полуприкрытых век. Её левая рука постукивала по столу; там, где не хватало костяшки мизинца, теперь была лишь тугая повязка марли, которая с тихим шуршанием скользнула по гладкому металлу.

Перес поправил пиджак, изучая её. Потом кивнул – один раз. «Сразу к делу. Как всегда. Ладно. Чего я хочу, – сказал он просто, – так это справедливости».

Он одёрнул края мятых манжет. Теперь он не смотрел на неё и говорил тихо. «У ФБР давняя традиция – нанимать осведомителей и частных подрядчиков. Мы даже иногда работаем с частной охраной, если прижмёт».

Кора лишь напряжённо смотрела.

«И вот...» Он замолчал и наконец поднял на неё взгляд. Теперь он подался вперёд, и голос его стал жёстче. «У вас серьёзные проблемы, мисс Шилдс. Не знаю, что вы себе думали. Но я знаю про Западную Виргинию. Я также знаю про Флориду. Вам повезло, что Огден *не знает*».

«Про Флориду?» – невинно переспросила она.

Он снова махнул рукой, будто это мелочь, не стоящая внимания. «Неважно, – сказал он просто. – Я не затем пришёл, чтобы выдвигать против вас новые обвинения».

«Тогда какого чёрта вы здесь делаете?» – огрызнулась Кора. Она чувствовала давление. Почти *ощущала* невысказанную угрозу. Ей не нравилось, когда её загоняли в угол или запирали в клетке. Не нравилось чувствовать, будто варианты заканчиваются.

Директор Перес на миг растерялся от её тона. Но затем кивнул и сказал: «Я здесь, чтобы предложить тебе чёртову работу, Кора».

У неё ёкнуло сердце. «Я не вернусь в ФБР».

«Я и не прошу. У нас есть... *другие* статьи расходов, – сказал он просто. – Другие вещи, важные для бюро. И я считаю, что вы можете нам помочь».

Она покачала головой. «Не-а».

Он уставился на неё. «Прошу прощения?»

«Нет», – сказала она, растягивая слово медленно и отчётливо.

«Я... боюсь, вы не до конца понимаете своё положение, мисс Шилдс. Если вы не примете это предложение, вас ждёт пожизненное. Возможно, и больше. Особенно если подключится Флорида».

«М-м. Так я и думала. Угрозы. У вас все козыри». Кора пожала плечами, царапнув ими о стену. «Если честно, – просто сказала она, – мне не хочется быть чьей-то пешкой. Не снова. К тому же вы говорите загадками. Да скажите уже, какого черта вам нужно. Но если мы играем *вот так*, с угрозами и всей этой шпионщиной, тогда *нет*».

Кора и сама не была уверена, что действительно это имела в виду. Она устала, разозлилась и ей все это было уже *поперек горла*. Она знала: ее вспыльчивость иногда загоняла ее в неприятности. Но иногда она просто не позволяла никому собой вертеть. Неважно, какой пряник ей сулили и какой кнут показывали. К тому же у нее были собственные планы. Если ее посадят, она знала людей, которые помогут ей выбраться. Вариант выскочить наружу существовал всегда.

А сейчас Перес просто снова смотрел на нее. Между ними прошла еще минута молчания. Он тихо цокнул языком, словно резко втягивая воздух сквозь зубы.

– Семьи считают, что Охана снова убьет, – наконец сказал Перес. – Я согласен. Им нужна справедливость.

– Им?

Его глаза вспыхнули.

– Нам. Нам нужна справедливость. Охана убьет еще людей. И мы не можем этого допустить.

– Так что именно вы хотите, чтобы я сделала.

– Это будет особая должность. Частный подрядчик. Считайте, что это частный детектив, только с чуть большей свободой действий.

– Вы хотите, чтобы я его убила?

Директор быстро покачал головой, и его взгляд лишь на миг метнулся к камере над дверью.

– Я бы никогда так не сказал, – ответил он.

– Но и не опровергаете.

– Я говорю, – ответил он, – что нам нужно, чтобы вы выследили Охану и *остановили* его до того, как он снова убьет. Перес снова поправил костюм, выпрямился и посмотрел на нее. – Так вам *достаточно* понятно, агент Шилдс?

Ее веки все еще были тяжелыми, но она тихо, едва заметно фыркнула. Это, пожалуй, лучше, чем пытаться отвертеться или месяцами тянуть изнурительный процесс. Это ведь все, что у нее есть, правда? И потому она спросила:

– Мне заплатят?

Перес хохотнул – резко, без всякого стеснения.

– Полагаю, да. Мы можем попробовать так, и должность может стать долгосрочной, Кора. С вашим послужным списком... «морские котики» и ФБР... все вместе. Вы можете оказаться именно тем ресурсом, который нам нужен.

Кора провела языком по зубам, потом оттолкнулась от койки, вскочила на ноги и кивнула на дверь.

– Ладно. Я разберусь с Оханой. Но потом – все. Остальное закрыто. Обвинения сняты. Все до последнего.

Перес кивнул.

– Я уже поговорил с Огденом. Обвинения уже сняты, – просто сказал он. – Я знал, что могу на вас рассчитывать.

Кора тоже тихо усмехнулась, прислонившись к решетке, пока Перес начал махать одной из камер. Раздался короткий *щелчок*. Замок на двери отперся, и рама бесшумно распахнулась. Кора замешкалась, прежде чем выйти и присоединиться к своему бывшему начальнику в коридоре.

Усмешка у нее исчезла, но осталась маленькая, злая улыбка.

– Готова поспорить, Огден от этого не в восторге.

Перес фыркнул.

– Он в ярости. Лучше какое-то время ему на глаза не попадаться. Итак, мы договорились? – Перес протянул руку, выжидая с явной нерешительностью.

Кора взглянула на нее и пожала плечами. Свобода лучше тюрьмы. К тому же зуд, который она чувствовала – сильное желание выпить и заглушить себя химией, – уже снова поднимался.

По ее опыту, лучше всего помогала охота. Ловля плохих парней была лишь частью. Опасность, расследование, погоня, даже насилие – все это делало тягу куда более управляемой.

– По рукам, – просто сказала она.

И взяла его руку, один раз пожав.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кора стояла на автобусной остановке, примерно в полутора километрах пешком от штаб-квартиры ФБР. Она оглянулась через плечо, вниз по улице, туда, где неподалеку маячил серебристый седан: двигатель еще работал, выхлоп струился, а тонированные стекла скрывали водителя. Но ей и не нужно было *видеть* переднее сиденье, чтобы догадаться, кто там.

Либо сам Огден, либо другой частный детектив, которого он нанял. Заместитель директора просто не умел вовремя остановиться. Директор Перес обещал Коре дать ей пространство. Позволить разбираться так, как она умеет.

Обещал, что Огден оставит всё как есть.

Но Перес, хоть и был хорошим начальником, плохо понимал своего заместителя. Огден был не тем пай-мальчиком, каким изображал себя на экране. Скорее, он был честолюбив до порока. Вернее – до *многих* пороков.

Кора смотрела, как большой синий автобус проезжает перекрёсток и подруливает к остановке. В одном кармане – телефон. В кошельке денег нет, но хотя бы водительские права при ней. Хотя, учитывая, какой жар вокруг этой миссии, она задумалась, не стоит ли сделать запасной документ.

Пальцы постукивали по телефону. Автобус подъезжал ближе. Серебристый седан, который тянулся за ней уже километр, замер по ту сторону улицы.

И тут, как только автобус завизжал тормозами, двери с шипением распахнулись. Кора развернулась. Рванула во весь опор – за павильон остановки, через красную металлическую скамью – и нырнула в переулок.

Пара пассажиров бросила на неё любопытные взгляды, но тут же пошла дальше.

Автобус подобрал старика с пакетом продуктов и снова тронулся.

Всё – за считанные секунды. Зато теперь она была в переулке. Автобус перекрыл обзор машине, следившей за ней.

Она увидела, как распахнулась передняя дверь седана. Высунулась голова, оглядывая улицу. Остановка пуста. Автобус уже отъезжает. Голова нырнула обратно, дверь хлопнула. Машина пискнула шинами, перескочила через разделительную полосу и поехала следом за автобусом.

Думая, что едет за ней.

– Придурок, – пробормотала она. А затем, стоя в переулке и стараясь не вдыхать слишком глубоко запах, будто чьё-то вчерашнее решение испортило жизнь всему кварталу, достала телефон из кармана и замерла.

Пара уведомлений.

Материалы дела. Перес уже переслал ей досье Джоша Оханы. Его последнее известное местоположение было прикреплено файлом геолокации.

Но она не открыла их сразу. Вместо этого набрала номер. Подождала ещё немного, выглядывая из-за угла зданий, пока автобус и серебристая машина не исчезли, и затем перешла на быстрый шаг – в сторону, противоположную общественному транспорту.

Соединение прошло на третьем гудке.

– Соскучилась? – сказал Джонни.

– Не-а. Просто слышала, ты тоскуешь, – парировала Кора.

Они служили вместе в «морских котиках». Тогда Джонни был чем-то вроде её романтического партнёра, но между ними всё развалилось. И кое-что ещё взорвалось. Их разрыв был огненным – во всех смыслах.

Но в последнее время они то и дело работали вместе – на разных заданиях, которые брала Кора. Джонни, теперь работавший в частной охране где-то в Южной Америке, свёл её

с пилотом, с торговцем оружием и даже помог штурмовать укрепленный объект всего месяц назад.

В прошлый раз, когда она его видела, волосы у него были длиннее, чем она помнила: тёмные, выщипанные, падающие на глаза. На подбородке – щетина, челюсть – крепкая, по-мужски резкая. Он был красив, а ладони – в мозолях. И ещё – как ни странно – у него не было мизинца на правой руке. Кора усмехнулась, покосившись на свою травмированную левую.

Джонни не был особенно *добрым* человеком. Но он был опасным. И верным.

На этой стороне закона важно иметь опасных друзей.

Сейчас она подумала, что он скажет, если узнает, что она снова опустилась до работы на ФБР – в качестве частного подрядчика. По сути, *наёмницы*, хотя Перес чётко дал понять: он не просит её *убивать* Охану, лишь остановить Убийцу Копов, прежде чем тот ударит снова.

– Слушай, как бы мне ни хотелось разозлиться, слушая твою трескотню, – быстро сказала Кора, – у меня есть предложение работы.

– Помню последнее дело, куда ты меня втянула.

– Это платит лучше.

«Не уверен, что с того последнего вообще был толк».

«Ну да, я же говорил. Этот платит лучше».

Долгая пауза, и Кора держала телефон у уха, нетерпеливо ожидая. Через пару мгновений Джонни вздохнул. «То есть... что это, мать его, за работа и сколько она платит?»

В Коре вспыхнуло предвкушение. Это было первое препятствие, которого она ожидала. Возможность, что Джонни даже *не захочет* работать. Но Перес выдал ей аванс, и Кора знала: дальше лучше всего нанять вторую пару глаз. Беда в том, что работа по контракту на федералов часто означает отсутствие прикрытия.

Ей понадобится любая помощь, если она собирается выйти на Убийцу Копов.

«Пять штук», – сказала она.

«Пять тысяч долларов?» – уточнил он.

«Да. Ты что, с пальмы слез? Пять штук».

Вздых. «Ладно. Где?»

«А “что” тебе знать не хочется?»

«Неа. Где?»

Кора замялась. «Могу встретиться с тобой в Аризоне».

«Не, к чёрту. Мы выдвигаемся в Аризону, там тебя подхватчу. Скинь координаты».

«Ладно». Кора отправила адрес автобусной остановки, которую только что покинула, тихо дыша у входа в переулок и прислушиваясь – не гонятся ли за ней. Но и стараться не стоило. Преследователи давно исчезли.

Через мгновение Джонни цокнул языком. «Огонь», – сказал подрядчик по частной охране. «Два часа. Будь на этом аэродроме. Пока».

И повесил трубку. Едва секунду спустя телефон завибрировал – координаты. Настоящие широта и долгота, мать их. Джонни с тех пор, как дал дёру из «морских котиков», так и не научился мыслить по-граждански.

Она вбила координаты, включила навигацию, потом вышла из переулка и подняла руку, останавливая такси.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кора всматривалась вниз, через выпуклое окно вертолѐта, в пустынный штат под ними. Аризона. Не то место, куда ей хотелось бы поехать, но там находилось последнее известное убежище, которым активно пользовался Охана. Джош Охана всегда слыл человеком жестоким.

Но то, что он делал со своими жертвами именно в этом логове, до сих пор пробирало Кору дрожью.

Чтобы найти его, лучшее, что она могла сделать, – выследить его по следам до наиболее вероятного места. Аризонское убежище – старый, заброшенный склад, когда-то использовавшийся для конвейерного производства дозаторов для мыла, – было одним из его любимых пристанищ.

Пилот вертолѐта был в ярко-розовой гавайской рубашке с цветами и в большой соломенной шляпе, надетой *поверх* наушников. Микрофон торчал у его губ, и в него он трещал без умолку все последние пару часов полѐта.

Кора давно выключила звук в своих наушниках, никак это не обозначив. Но время от времени кивала или хмыкала так, будто всё ещё слушает.

Эпатажный пилот был приятелем Джонни. Уже трижды он помогал перевозить её. И трижды назывался разными именами.

Сейчас он именовал себя *Мигелем*.

Мигель – что совершенно точно не было его настоящим именем – щеголял впечатляющим автозагаром, до неестественности ровным, если не считать местами проступающей бледной кожи. На голове у него белели редкие колючие волоски, а на подбородке – светлая, жидковатая борода, аккуратно подстриженная.

Его вертолѐт был почти таким же эффектным экспонатом, как и он сам. По борту машины тянулась авторская аэрография: гигантская акула, выброшенная из смерча.

Теперь, когда Мигель, он же Стэн, снижался к площадке внизу на частном аэродроме, Кора изучала дальнюю, пустынную местность ближайших окрестностей – длинную полосу пыльной земли, где в воздухе носились песчинки и выветренная каменная крошка, взметѐнные бешено крутящимися винтами.

Серая взлѐтка внизу была размечена белыми линиями, направляющими вертолѐт к месту стоянки. По мере снижения шум винтов нарастал, как и бодрая болтовня Мигеля в микрофон.

Кора коротко показала ему большой палец. Но, снижаясь, нахмурилась, глядя на тѐмный седан, ожидавший внизу на асфальте чуть в стороне, на пыльном участке.

Она ткнула пальцем в окно в сторону загадочной машины. «Это кто?» – спросила она.

Но пилот уже был сосредоточен на управлении, приборах и мигающих огоньках. Он вцепился в штурвал, и при снижении у Кору свело желудок. Она всё так же хмуро смотрела сквозь стекло на далѐкую машину и фигуру рядом, опустив брови.

И тут они коснулись полосы. Лѐгкая дрожь – и мягкая посадка.

– Йи-ха! – воскликнул Мигель, вскинув руку, и вытащил из сумки сбоку праздничную сигару. Он поднял её и уже начал прикуривать зажигалкой, которая плевалась синим пламенем – точь-в-точь как турбореактив у крошечного самолѐтика.

Кора коротко кивнула в знак благодарности и выскользнула наружу, спрыгнув под винтами на бетон. Лопасты над головой выли и взбалтывали воздух, а потом медленно начали останавливаться с мягким звуком: *вумпф, вумпф, вумпф*.

Кора махнула ладонью перед лицом, отгоняя пыль и мелкие крупинки.

Она уставилась на седан без опознавательных знаков, не отрывая взгляда от неподвижной машины. Неужели заместитель директора сумел её выследить?

По коже пробежали колючие мурашки, и, глядя на стоящий автомобиль, она прикусила губу.

Она быстро оглянулась на пилота вертолѐта: тот уже курил сигару и выпускал дым в открытую дверь.

Выдохнув, он подмигнул ей, затем тут же откинулся назад, закрыл глаза, надвинул соломенную шляпу и устроился вздремнуть.

Лопасты вертолѐта затихали. И тогда передняя дверца седана, шагах в двадцати, распахнулась.

Показалась знакомая фигура. Волосы у него были длинные, неухоженные – волнистыми коричневыми прядями спадали чуть ниже ушей, с ореховым оттенком. Солнечный свет подсвечивал отдельные пряди, будто в волосах пряталось золото.

Руки – в шрамах, жилистые. И мизинца не было, как она и помнила. Её собственные пальцы, один – в бинтах, напряглись.

Джонни – её бывший и тот, кто организовал этот перелѐт, – неторопливо направился к ней. По тому, как рубашка топорщилась у бедра, она сразу поняла: при нём ствол. Кобура выпирала под тканью. Рубашка была чёрная и вывернутая наизнанку, наружу торчали швы. Подойдя ближе, он поднял руку и пошёл к ней ленивой, беззаботной походкой. В его шаге было что-то львиное – уверенное, расслабленное. И всё же она знала: это только мираж. Стоило приглядеться – и становилось видно напряжение в мышцах, то, как он раз за разом скользил ладонью возле кобуры, каждые пару шагов. И взгляд его.

Теперь, приблизившись, он опустил руку, помахал и крикнул:

– Сюрприз!

– Я не думала, что ты приедешь так рано, – сказала она.

Он пожал плечами.

– Я был неподалѐку.

– В Аризоне?

– В Мексике. Но у меня там пара дружков на границе – пропустили в счёт услуги, которую я когда-то им оказал.

– Ты заплатил проводникам, чтобы тебя сюда переправили?

– Чтобы перебраться через границу, а дальше я уже сам доехал.

Кора бросила взгляд на седан.

– Не в твоём стиле.

Он смущѐнно пожал плечами, явно испытывая неловкость из-за машины.

– Похоже, в прокате при аэропортах суперкары не выдают. Скупаю по своей «Корвет», помнишь её?

Кора помнила, но сказала:

– Мне никогда не были так уж интересны машины, как тебе.

– Если мне память не изменяет, ты взорвала мой «Ламборгини».

– Память тебе изменяет. Я едва его тронула.

– Пластиковой взрывчаткой. Едва тронула пластиковой взрывчаткой.

Кора покачала головой.

– Ты здесь помогать или ныть?

– Могу и то и другое. Если мне всё равно заплатят.

Она усмехнулась.

– У меня есть довольствие. ФБР.

Он уставился на неё так, будто она только что оскорбила его мать. Кора в ответ пожала плечами и сказала:

– Это был не мой первый выбор клиента тоже. Меня арестовали.

Джонни быстро глянул на вертолёт, потом через плечо – украдкой, с тревогой. Кора покачала головой.

– Они за мной не следили. Я у них на вольных хлебах.

Он провёл отсутствующим пальцем по предплечью.

– На вольных хлебах, ага, – сказал он. – Значит, наняли тебя кого-то убить?

– Как я и сказала, мы найдём его и остановим, прежде чем он причинит вред кому-то ещё. Убийцу полицейских.

Джонни протянул руку, махнув в сторону пустыни за ограждением, и спросил:

– Тогда что мы делаем в Аризоне?

– Я знаю одно из его любимых убежищ. Полиция выследила его до городского аэропорта, а потом потеряла. Думаю, я представляю, где он мог в итоге осесть.

Джонни пожал плечами.

– Я могу вести.

Кора сказала:

– Ладно. Только не тащись, как обычно.

Они препирались, пока шли к припаркованному седану. И вдруг Кору кольнуло знакомым чувством. Она привыкла перебрасываться с Джонни словечками – поддевать его и не оставаться в долгу. Но сейчас, когда она скользнула в салон, а Джонни сел следом и втянул носом слабый запах пепельницы, она нахмурилась. Джонни включил передачу, рванул с места с визгом шин, оставив на асфальте чёрные полосы, и повёл машину к выезду с аэродрома. Он насвистывал, пока ехал; его красивое лицо вырисовывалось тёмным силуэтом на фоне бесплодной земли за окном.

В пустыне всё приходит умирать.

Кора всё ещё не понимала, как именно они собираются остановить Убийцу полицейских, не прибегая к способам, которые законом не предусмотрены, но её пронзило отчётливое предчувствие: в пустынях Аризоны умрёт ещё что-то. Ей оставалось лишь проследить, чтобы это «что-то» не оказалось одним из них.

Кора слушала низкий свист Джонни, когда они въехали на парковку. А навигатор, который она заранее настроила, пискнул:

– Пункт назначения слева.

Джонни уставился на высокое сооружение впереди.

– Дерьмо, – сказал он. – Ты же говорила, это склад.

Джонни зашарил в бардачке, перегнувшись через разделитель между сиденьями и копясь внутри.

Кора уже распахнула дверцу и выскользнула наружу.

– Ну да, это и есть склад, – бросила она.

Джонни не отрывал взгляда от странного строения. Вдалеке воздух сотрясал гул – рёв и жужжание. Звучало так, будто миллион разъярённых пчёл постепенно набирает громкость, а потом вновь стихает, теряя злость.

И ещё это звучало как вопли и улюлюканье пары сотен полупьяных уголовников. Впрочем, это было не столько предположение, сколько вывод из Кориных наблюдений.

Теперь она стояла на парковке у взлётной полосы и смотрела на старый склад: заколоченные окна, исписанные граффити гофрированные стены, покатая крыша. Крыша была метрах в тридцати над землёй. И сам склад оказался значительно шире, чем можно было ожидать с первого взгляда.

Кора заметила, как Джонни тоже вылез из машины. На нём были солнечные очки – очевидно, он достал их из бардачка, – и он поправлял их, выходя на парковку и щурясь на громадину впереди. Жужжащий вой снова усилился, пьяные крики продолжились – и опять схлынули.

Единственное, что выдавало: это «заброшенное» место далеко не так пустынно, как кажется, – ряды безупречных, дорогих машин, припаркованных на потрескавшемся бетоне с почти стёртой разметкой, где кое-где пробивались редкие пучки травы.

В других частях площадки валялись разбитые бутылки, но осколков почему-то не было рядом с дорогими спорткарами. Джонни насвистывал, обходя Кору сбоку, и разглядывал машину, которая для неё выглядела как космический корабль.

Он наклонился, поправил очки и пробормотал:

– Чёрт. Двенадцать цилиндров, а мурлычет, как котёнок. Слышала, как он рычит?

– Убери это обратно в штаны, Джонни. Мы здесь не просто так, – сказала она и прошла мимо дорогих машин, направляясь к запертой двери большого склада.

Джонни неохотно вздохнул, но пошёл следом. Они приблизились к зданию, оба оглядывая пространство с тревогой и подозрением.

Кору больше всего тревожили редкие дыры в боку металлической стены – будто от пуль. А внимание Джонни отвлекали две высокотехнологичные камеры над дверью, следившие за дорогими машинами снаружи.

Подойдя ближе, Джонни спросил:

– Так что это за место? Нелегальная трасса для мафиози?

Кора покосилась на него. Нахмурилась, глядя на дверь, потом снова перевела взгляд на Джонни.

– Что? – спросил он.

– Ты тут раньше был?

Джонни покачал головой.

– Нет, а что?

– Потому что это и есть нелегальная трасса для мафиозных типов. Откуда ты знал? – Она остановилась у двери, над которой висели две камеры.

Джонни только пожал плечами.

– Да черт возьми, ты посмотри на это место, Кора.

Она посмотрела и снова перевела взгляд на него. Он махнул рукой в сторону припаркованных машин.

– Богатеи. Бросили тачки здесь – значит, местные знают: лучше не лезть и не трогать это место. И этот звук. Я узнаю гонки по треку, как только услышу.

Она с легким восхищением кивнула и пробормотала:

– Ну ты даешь, Джонни.

А потом она постучала в дверь кулаком. Они оба молча ждали, глядя на запечатанную металлическую дверь в стене, терпеливо выжидая.

Через несколько мгновений дверь приоткрылась – ненадолго.

К ним выглянуло широкое рябое лицо.

– Чё? – рявкнул голос, с явной угрозой в интонации.

– Привет, – сказала Кора. – Мы от Карпуцци.

– Не-а, не от него.

Дверь захлопнулась.

Кора моргнула. Джонни спросил:

– Кто такой Карпуцци?

– Старый конфиденциальный осведомитель, – ответила она. – Через него я в прошлый раз сюда попала.

– Тогда зачем мы здесь?

– Я же сказала... Джош Охана, чертов Копобийца, раньше постоянно сюда заходил – еще до того, как мы его взяли. Это его любимая точка.

– И ты правда думаешь, что он настолько туп, чтобы вернуться туда, где его все знают? Кора пожалала плечами.

– Наверное, мне хотя бы надо убедиться. – Она постучала снова, на этот раз настойчивее. Дверь открылась еще раз. Теперь наружу уставились два толстых лица. Оба – со злостью. У одного сросшиеся брови. Второй, рябой, скривился.

– Нет, – просто сказал он.

Кора протянула «более убедительное удостоверение личности». Две купюры по двести долларов.

Оба уставились на деньги, потом снова на нее. Потом прищурились.

– Seriously? – сказала Кора. – Да ладно. Просто впусти нас.

Джонни плавно шагнул мимо нее, задел ее руку, протягивавшую деньги. Он схватил обоих в дверном проеме за уши и выдернул наружу двумя одновременными рывками. Кора поморщилась, когда дверь за ними закрылась с *щелчком*. Камеры наверху были повернуты так, чтобы следить за машинами, а не за дверью.

Джонни, все еще держа их за воротники, поднял колено и врезал одному по подбородку – сбоку, не прямо под объективом, вне его поля зрения. Первый взвыл и обмяк. Второй попытался закричать, потянулся к оружию на бедре, но Кора ударила его сзади.

Оба рухнули на землю за считанные секунды.

Джонни поправил солнцезащитные очки. Кора закатила глаза.

– Seriously? – сказала она.

Джонни посмотрел вниз, затем поднял взгляд. Он сорвал с первого мужчины пропуск, подошел к двери и провел им перед считывателем. В ответ раздался *щелчок*, он толкнул дверь и театрально взмахнул рукой, как фокусник.

– Вуаля, – сказал он.

Кора закатила глаза, глядя на его очки.

– Ты знаешь, ты в них выглядишь нелепо.

– Зато я в них *чувствую* себя таким крутым, – огрызнулся Джонни.

И они проскользнули в парадную дверь, мимо двух бесчувственных громил, внутрь нелегальной гоночной трассы.

Кора несколько раз моргнула, пока глаза привыкали к странному, искусственному освещению. Почти весь свет давали гигантские прожекторы над треком, бьющие вниз, как слепящее солнце, на машины, мчащиеся по крытой трассе вниз.

Автомобили выглядели так, словно их собрали из картингов и газонокосилок. Они неслись с невозможной скоростью, сливаясь в размытый вихрь, закладывали виражи на крытом треке и оставляли черные полосы там, где повороты были самыми крутыми.

Небольшая толпа, собравшаяся на трибунах – вроде полукруглых рядов вокруг катка, – теперь редела. Звучало это как школьный спортзал, набитый расшалившимися подростками, которые орут во всю глотку.

Но при виде этих болельщиков впечатление становилось зловещим. Пьяны они были явно – возможно, так и должно. Больше всего Кору мучило от оружия.

Многие из тех, кто хлопал, вопил или вскидывал кулаки, стояли рядом с приземистыми, плосколицыми мужчинами в черных костюмах. Оружие было видно – в наплечных кобурах или на поясе. Один хвастался ремнем поперек груди с «узи», который он сдвинул набок, так что тот болтался у лацкана, пока он прихлебывал из красного пластикового стаканчика.

По толпе сновали официантки в откровенных нарядах, раздавая новые напитки и уворачиваясь от лапающих рук зрителей. Кору кольнуло жалостью к женщинам и к изможден-

ному выражению в их глазах. Она задумалась, хоть раз ли мужчины, пожирающие их взглядом, думают о том, что эти женщины – *люди* – у них есть родители, дети, любимые, надежды и мечты. Душа.

Один мужчина громко чмокнул, махая рукой в сторону молодой блондинки с красными заколками и подносом маленьких рюмок-шотов. Девушка вздохнула, но, обернувшись, натянула улыбку, которая не коснулась глаз. Она подпрыгивающей походкой подошла к мужчине, который ей махал, поправляя тесный костюмчик и держась от него на расстоянии.

Многие из зевак и зрителей были мужчинами в возрасте. Их часы, украшения, костюмы и манеры излучали внушительное богатство – и столь же внушительное желание, чтобы все вокруг *заметили* их деньги.

Она увидела не одни «Ролексы», вспыхивающие под фальшивыми молниями прожекторов под потолком.

Самодельные машины, которые, как знала Кора, водители собирали сами, были сделаны из хлипкого, лёгкого материала. Никакой защитной дуги. Никаких огнеупорных, задерживающих горение сплавов. Только скорость. Тонкие листы металла и пластика вокруг двигателей, слишком мощных для такой скорлупы.

Водители, как жокеи на скачках, были довольно *маленькими* ростом. Чем меньше вес – тем проще уложиться в расчёты конструкции. Всё решали доли дюйма.

И тут поднялся новый рёв: одна из машин – зелёная, с номером 5 на носу – обошла красную, отмеченную 23.

Голос диктора эхом разнёсся над толпой, пробиваясь сквозь крики, вопли и разговоры.

У Кору ёкнуло сердце, когда из динамиков, развешанных по всему стадиону, вдруг хлынул поток болтовни. Джонни держал её за руку и тянул вперёд, подальше от двери. Она сразу поняла почему. За самодельной крытой трассой, ближе к участку, напоминавшему бар, двое мужчин с наплечными кобурами патрулировали и неторопливо направлялись к двум новичкам.

Джонни тащил её ровно в противоположную сторону. В воздухе смешались запахи алкоголя, резины и масла – особенно горячая смесь.

– Чёрт, да они валят под сто девяносто, – сказал Джонни с восхищением, глядя, как с три десятка машин делают очередной круг по крытому овалу.

Она пробежала взглядом по проносящимся машинам и покачала головой. Вздохнула.

– Чёрт, – пробормотала она.

– Что?

– Я его не вижу.

– Кого?

– Джонни, соберись. Мы здесь из-за Джоша Оханы.

– Ага... ага, Убийцы копов. М-м.

– Джонни, перестань пялиться на гонку.

Он взглянул на неё и смущённо поморщился.

– Виноват, – пробормотал он.

– Он часто делал ставки. Ему нравилось играть, но я не вижу... – она осеклась и кивнула в сторону барной стойки. Двое с наплечными кобурами как раз проходили мимо бармена, но другие фигуры задержались у стойки и протягивали человеку маленькие сложенные записки.

Женщина за баром кивала, забирала бумажки и, отёрнув голову, трянула своей колючей причёской с зелёными кончиками на одного из мужчин, прежде чем вернуть ему листок, скользнув им обратно.

Мужчина – здоровяк с бородой лесоруба – раздражённо скривился. Он потряс мясистым кулаком, усыпанным бриллиантами и перстнями с камнями. Но смолк, когда двое охранников с оружием окликнули его и жестом приказали убираться дальше.

Он сплюнул в сторону, дёрнул за лацканы и, прежде чем бодро двинуться прочь – в противоположную от бара сторону, – сцапал с прилавка маленький листок бумаги.

Кора и Джонни смотрели ему вслед, настороженно, нахмурившись.

– Думаю, это наш лучший вариант, – сказал Джонни.

– Отличная игра слов.

– Ты знаешь эту даму?

– Не-а, впервые вижу.

– Чёрт, глянь, как она разливает. Вот это девчонка по мне.

Кору передёрнуло от этих слов. Потом – от того, что её передёрнуло. А затем, решив, что попала в замкнутый круг реакций без хорошего выхода, она вскинула руки и зашагала к барменше, которая тут же была и букмекершей.

Мужчины с оружием проводили её взглядами, и другие тоже не спускали с неё глаз – большинство сидело за красными столиками, потягивало выпивку и прислушивалось к гулу гонки.

Кора кивала каждому по пути, прошла мимо них, мимо столов и подошла к стойке. Подняла руку. Женщина с колючими волосами, подкрашенными зелёным, даже не подняла головы. Она была слишком занята: считала что-то на одном из листков, перебирая пальцами и бормоча себе под нос, словно так ей удавалось выполнять самые элементарные операции.

– Эй, – тихо сказала Кора.

Женщина не подняла головы.

– Эй, – чуть громче повторила Кора.

Женщина подняла взгляд.

– Ну, привет, – сказала она.

Кора ткнула пальцем в Джонни.

– Он новенький. Хочет поставить.

– Какой групповой идентификатор?

Джонни нахмурился, шагнул вперёд, по-прежнему не снимая своих «я-круче-всех-в-школе» очков.

– Какой ещё идентификатор? – потребовал он, превращая своё незнание в оружие.

Женщина замерла и посмотрела на Кору, будто пытаясь понять, они вообще серьёзно или нет. Потом барменша вздохнула.

– Вы с кем? – попробовала она.

Кора вклинилась прежде, чем Джонни успел открыть рот.

– С Карпуцци, – отрезала она.

– Ладно. Значит, вы из группы Д-двадцать один. На что ставите?

Кора покачала головой.

– Вообще-то, – сказала она, понизив голос, когда некоторые завсегдатаи бара позади трибун снова отвернулись, решив, что ничего подозрительного не происходит, – мы хотели узнать, не могли бы *вы* дать нам кое-какую информацию.

– Какую именно?

Кора сказала:

– Мы ищем одного человека.

Взгляд барменши скользнул мимо Кору туда, где двое вооружённых громил всё ещё прохаживались, потом вернулся обратно. Кора заметила, что патрульные охранники уже направляются к двери. Стоит им выйти и увидеть лежащих без сознания – и всё может очень быстро стать сложным.

Кора быстро сказала:

– Джош Охана.

Глаза женщины дёрнулись вверх. Она сглотнула. Приоткрыла рот, замялась, потом сглотнула снова.

– Кто? – сказала она.

Но убедительно это не прозвучало. Женщина подняла палец и отошла на другой конец стойки. Тремя быстрыми движениями она соорудила какой-то странный коктейль, шлёпнула его на прилавок, ни капли не расплескав – разве что одну, – махом запястья вытерла стойку и вернулась к ним, скрестив татуированные руки.

– Никогда о нём не слышала, – упёрлась она.

– Я с первого раза услышала, как ты нам лапшу вешаешь, – ответила Кора.

Женщина нахмурилась. Кора нахмурилась в ответ. Они уставились друг на друга, сверля взглядами. Джонни наклонился через стойку, его мускулистые предплечья легли на лакированную поверхность. Он осторожно сказал:

– А у неё деньги есть, знаешь ли, – заговорщически, понизив голос, и ткнул большим пальцем в сторону Кору.

Кора поморщилась – с какой лёгкостью он распорядился её пособием, – но всё же вытащила из кармана несколько хрустящих стодолларовых купюр, добавив к пачке, которой пыталась соблазнить охранников у входа. Она прикрыла деньги собой, чтобы их не заметили ни другие посетители, ни охрана.

Но барменша жадно уставилась на зелёные бумажки.

Она нерешительно сглотнула. «О-о... – протянула она, – мистер Охана? Точно... эм...» Она снова отвела взгляд. Казалось, она готова что-то сказать, но сомневалась. Рот снова приоткрылся. Она замерла. Начала говорить. Но вдруг напряглась, распахнув глаза. Тихо ахнула и обернулась. «Извините, не понимаю, о чём вы», – твёрдо сказала она.

Кора нахмурилась, пытаясь заговорить и вернуть внимание женщины. Но всё было бесполезно.

И тут она почувствовала, как кто-то ткнул её в плечо. Джонни, видно, тоже это почувствовал: он вздрогнул и резко обернулся. Кора повернулась медленнее, но узел в животе затянулся туго, когда она развернулась и столкнулась лицом к лицу с одним из тех мужчин, которых ударила сзади. Он массировал затылок с выбритой головой и сверлил её взглядом, будто хотел прожечь насквозь.

Двое других охранников, что были с оружием, стояли по обе стороны от него, крепко сжимая стволы и не сводя глаз с Джонни и Кору.

Мужчины, которому Джонни зарядил коленом в голову, нигде не было видно. Наверное, всё ещё приводит в порядок свою «красоту».

– Чёрт, – сказал Джонни.

– Чёрт, – ответили охранники, злобно глядя.

– Чёрт, – сказала Кора.

– Ну хоть в одном мы все согласны, – бросил Джонни.

И затем, как она *и знала*, Джонни двинулся первым. Он не из тех, кто будет ждать и дарить противнику преимущество первого удара. Двое с «узи» подошли ближе. Кора стояла всего в шаге от мужика, который ткнул ей в плечо потным пальцем.

И теперь Джонни рванул вперёд.

Кора отстала всего на долю секунды, следуя за напарником.

Оружие они оставили в спортивных сумках в машине, чтобы не привлекать внимания. Так что, безоружные и в меньшинстве, Джонни и Кора бросились на троих, сжав кулаки и напрягшись всем телом, действуя быстро.

Прямо как в старые добрые времена, подумала Кора. И тут её кулак врезался в мясистое лицо – как в глыбу говядины.

Но мужчина двигался быстро: он выдержал удар и повалил её.

Начался полный хаос.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Среди зевак кто-то вскрикнул, когда Кору опрокинули на пол. Она ударилась головой о стойку с громким *треском*. Но звук издал деревянный кант по краю, а не её череп. Кора всегда считала, что у неё голова крепкая.

И теперь она действовала быстро. Боль полоснула по затылку, но она перекатилась вдоль стойки, оттолкнулась и дала мужчине, что её повалил, влететь в деревянную перегородку.

Тем временем Джонни обезоружил одного из них, вырвав у него автомат, и теперь прикладом крушил второго вооружённого охранника.

Рёв ипподрома скрывал шум драки.

Кора выровнялась, оттолкнувшись от стойки, сжала ладони в кулаки. В то же мгновение мужчина, что повалил её, поднялся в боксёрскую стойку. Руки подняты: одна у щеки, голова утоплена за ними, поза защитная.

Вот в чём, решила Кора, частая беда наёмной охраны. Они привыкли к спортивным поединкам. А беда спорта в том, что в настоящей драке нет ничего спортивного. Это не игра и не состязание. Во всяком случае, не в том смысле, который обычно вкладывают в это слово.

Она пришла сюда не «махаться» кулак на кулак, соблюдая какие-то произвольные правила.

И потому, пока он сжимал кулаки, готовясь обмениваться ударами, она потянулась за бутылкой за стойкой и разбила её о бок его головы. Он закричал, пытаясь прикрыться левой рукой. Стекло разлетелось о поднятую конечность. Кровь хлынула – осколки впились в кожу. Куски коричневого стекла впивались, как зубы, и мужчина взвыл от боли. Но Кора не закончила. Она ударила его между ног. А затем вогнала кулак ему под солнечное сплетение. Один грязный приём за другим. Это не спорт. Это не игра. Это – жизнь или смерть.

В каком-то смысле ей было жаль этих уличных отмороzków. Трое против двоих. Но *двое* оба были «морскими котиками». Их способ драться был таким, что выводил из строя – чаще всего надолго, а то и навсегда.

Джонни уже прикладом оглушил одного. Теперь он навёл оружие на того, кого разоружил. Он не выстрелил, но был к этому опасно близок.

Джонни был очень опасным человеком.

– На землю! – рявкнул Джонни, голос у него был как железо.

Бандит уставился на него, слотнул и, пятясь, раскинул руки. Несколько зевак, сидевших за столиками вокруг бара, поспешно убрались подальше. Один опрокинул стол и теперь прятался за ним, съёжившись. Другой, слишком пьяный, чтобы ему было не всё равно, продолжал тянуть, похоже, уже четвёртое пиво.

Шум автодрома не стихал. Моторы визжали и рычали.

Кора быстро взглянула на барменшу: та смотрела на них с ужасом в глазах. Мужчина, которого Кора подло ударила исподтишка, стонал на земле. Тот, кого приложили прикладом, лежал без сознания. А третий, разоружённый, держал ладони раскрытыми и умоляюще смотрел на Джонни, чтобы тот не стрелял.

Но это была не единственная угроза. Кора посмотрела дальше – на трассу. К ним уже двигались новые фигуры. Шестеро мужчин, тоже с оружием. На миг казалось, что они ещё не поняли, откуда беда, и просто реагируют на какую-то скрытую тревогу или звонок. Как бы там ни было, пора было уходить.

Кору это грызло. Ей не хотелось уезжать. Барменша явно хотела что-то сказать, но оно не стоило того, чтобы за него умереть.

Они приехали сюда искать Убийцу копа. И предчувствие Кора о том, как в пустынях Аризоны всё умирает, – это было не то, чему она хотела помочь сбыться. Поэтому она схватила Джонни и дёрнула его за руку точно так же, как он дёргал её. – Уходим! – крикнула она.

Он зло уставился на людей на земле, потом выругался. Оружие из руки не выпустил и заметил шестерых приближающихся охранников.

Теперь вооружённые бандиты тоже их увидели. Короткая заминка. Та самая заминка, что всегда бывает прямо перед перестрелкой. По тому, сколько человек медлит перед тем, как открыть огонь, часто можно понять, сколько в нём осталось человеческого. А ещё – насколько его дрессировали. На тренировках первым, что выбивают, обычно бывает именно колебание.

Все знали правду. Нанести первый удар – невероятное преимущество.

И Джонни прицелился и дал очередь.

Он стрелял не по людям – пока что.

Даже её бывший парень понимал: нельзя косить очередь по толпе гражданских. Гражданских, которые играют в солдатиков – пусть и, скорее всего, ради далеко не благородных целей, судя по тому, с кем они водятся.

Но всё же гражданских.

Однако очередь сделала своё дело. Мужчины попадали на землю, крича. А Джонни с Корой сорвались в отчаянный спринт обратно к двери. Она была приоткрыта – после того, как тот, кого Кора вырубил, сумел протиснуться назад. Второго, которого Джонни отправил в отключку, видно не было.

Пули рикошетили от стены, высекая искры из металла. Кора слышала, как они свистят над головой. Создавалось ощущение, будто от них можно пригнуться и увернуться. Но к тому моменту, как она их слышала, пули уже пролетали.

К счастью, прицельный заградительный огонь Джонни держал их в безопасности.

Они добежали до двери. Оба задыхались. Кора, спотыкаясь, ввалилась внутрь, утянув Джонни за собой.

Они захлопнули дверь. Джонни и Кора поспешили к припаркованной машине. Бандит, которого Джонни ударил коленом в голову, стонал, поднимаясь. Плевал слюной на асфальт. Вокруг него клубилась пыль – он, скребя по земле, как будто разгребая её, пытался снова встать и удержать равновесие. Когда он всё-таки поднялся, Джонни пнул его в голову. Мужчину мотнуло назад, и он снова рухнул на землю с глухим стуком.

Кора продолжала нестись. На несколько шагов опережая Джонни, она первой добежала до машины. Автомобиль уже стоял на передаче и трогался с места, когда Джонни нырнул на пассажирское сиденье. Ещё несколько пуль рикошетом шлёпнули по дороге – бандиты теперь стреляли наугад, лишь бы попасть.

Пуля высекла искру. Ещё крики. Джонни орал и начал стрелять в ответ. Раз уж они открыли огонь, он больше не собирался терпеть и молчать.

Они рванули по улицам, оба вдавились в кресла, стиснув зубы.

Кора не забыла, сколько быстрых тачек осталось на той стоянке.

Джонни – тоже. Он хохотал безумно, высунувшись из окна, протискивая наружу своё худое, жилистое тело, целясь поверх капота их машины и поливая пулями автомобили на парковке.

Он не прекращал, пока магазин не опустел. Потом, глядя на развороченные колёса и пробитые капоты, Джонни стёр отпечатки с оружия и швырнул его на улицу.

Они умчались прочь, оставив эту мелкую шутовину чёрной точкой позади – по ней можно было судить, с какой скоростью они уходят. Сто тридцать километров в час. Сто шестьдесят.

Кора выругалась, когда впереди показался резкий поворот. Она попыталась сбросить скорость, и Джонни метнулся обратно в салон – туда, откуда он наполовину торчал.

Ещё одна пуля разнесла её зеркало. Но в остальном стрелки позади промахивались. А Джонни смеялся, запрокинув голову; у его очков теперь не было одной дужки. Кора не знала, то ли пуля задела, то ли просто суматоха сорвала её.

Но Джонни продолжал хохотать, каркая в потолок.

Кора же влетела в поворот, шины завизжали. И на миг ей почти показалось, будто она – одна из тех гонщиц.

– Вот это было весело, – говорил Джонни, возбуждённо кивая и протягивая руку, чтобы похлопать Кору по спине, словно она только что совершила подвиг.

Но на подвиг это совсем не походило. Только страх. И боль.

Кора поморщилась и осторожно дотронулась до затылка. Она сильнее сжала руль, мизинца на левой руке не было – как и пальца на руке Джонни.

Славная вышла парочка.

Когда они отъехали подальше и она чуть расслабилась, решив, что ни одна из тех быстрых машин не погонится за ними, а полиция вряд ли помчится на перестрелку в известное бандитское логово, она быстро взглянула на Джонни, притормозив ровно настолько, чтобы не дёрнуть рулём и не унести их с дороги. Они резали пустыню – тонкой серой полосой через бежевый песок. Она сказала:

– Мне кажется, та барменша что-то знала.

– А?

– Мне кажется, они что-то знали, – повторила она, не добавляя подробностей, лишь растягивая фразу, гадая, не в том ли дело, что Джонни просто не сразу соображает.

– Она что-то сказала? Я толком не слышал. Я за теми уродами следил.

– Она ничего не сказала. Это было в её глазах. Думаю, она знала про Убийцу копов.

Джонни нахмурился. Он выглядел нелепо без одной дужки. И всё же в его выражении не было ничего нелепого. Ничего нелепого не было в человеке, которого она знала, и в том, сколько людей он убил. Ничего нелепого не было в его прошлом, в их прошлом и в том, как сильно ей была нужна его помощь.

– Ну, если она знает про этого типа, нам, скорее всего, придётся вернуться, – сказал Джонни. Это было не предложение, просто констатация. – Вода мокрая. Ветер дует. Нам нужно вернуться.

Она вздохнула.

– Да. Но в этот раз, пожалуй, не через парадную дверь.

– Я других дверей не заметил. И мужиков с пушками там было дохрена.

Кора сжала пальцы на руле и кивнула. Он говорил правду. Она и сама толком не представляла, как двигаться дальше. Но знала одно: им нужно поговорить с той барменшей. Эта женщина что-то знала. И если это могло приблизить их к Охане – оно того стоило. В голове вспыхивали образы прежних жертв Оханы. Полицейских, потерявших близких.

Живот свело, глаза сузились.

Она не собиралась позволить этому человеку разгуливать на свободе. Она что-нибудь предпримет. И если для этого придётся вернуться – может, под покровом ночи, может, с хитростью, а может, с целой армией полицейских и воем сирен, – она сделает это. Потому что одно было ясно: уйти во второй раз она ему не даст.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Скрип стула был не тем писком, с каким шкафчик трётся о пол, но мужчина, которому принадлежал этот стул, теперь мерил шагами пространство позади него, стоял лицом к окну и наблюдал, как темнеет небо над грузовыми судами, входящими в залив.

Яркие прожекторы, вмонтированные в ржавые металлические стрелы кранов, слепили немногих оставшихся докеров – тех, кому не повезло попасть на позднюю смену. А в этом свете большие красные ребристые контейнеры были перехвачены тканевыми стропами, натянутыми в струну, закреплёнными на крюках, свисающих с блоков, и нависали над водой.

Мужчина с телефоном в руке всегда любил смотреть, как разгружают суда. В этом было что-то такое, что заставляло его думать о *других* вещах – о долгом плаваньи, безжалостном пути и неизбежном грузе.

Он считал себя чем-то вроде странника, путника. Человеком с миссией. И его особая миссия сулила расплату, которую другие могли и не увидеть заранее. Убийцей копов его называли некоторые. До чего же бездарное имя. И неверное, как он сам считал. Копов он не убивал – он убивал их близких.

Он поморщился; вспышка его глаз отразилась в холодном стекле, выходящем на причал. Там же он уловил силуэт маленькой связанной женщины, всё ещё прикованной к стулу.

Он не обратил на неё внимания и уткнулся в телефон. Пришло новое сообщение, и он прочитал: *Ты в порядке?*

Он ответил: *Конечно! А ты как?*

Нет, правда. Это не похоже на тебя.

Он уставился на последнее сообщение. Уже несколько часов он жил своей фантазией. Жил, будто один из *них*. И тут – это проклятое сообщение?

Это не похоже на тебя.

– Да что за чертовщина? – пробормотал он себе под нос, ускоряя шаги, всё больше заводясь. Он тряс головой, шагая взад-вперёд. – Да что за чертовщина! – повторил он громче. Он чувствовал, как поднимается злость, как колотится сердце в груди и как подошвы шоркают по полу.

Он продолжал мерить шагами комнату, продолжал мотать головой – раздражение нарастало.

И тут телефон завибрировал. Он уставился на экран, облизнул губы. Звонок.

Кто-то звонил.

Он быстро бросил взгляд на женщину, привязанную к стулу. Снова с кляпом. И она притворялась спящей, но он видел, как время от времени подрагивают её веки. Очень даже не спит. Он зарычал и уставился в светящийся голубым экран, пока телефон пытался установить соединение.

Он постучал пальцами по стеклу. Какая-то часть его хотела ответить, жаждала ответить. Ведь ради этого всё и было, разве нет?

Они просто его не понимали. Не до конца понимали его величие. Он выдохнул дрожащим вздохом, всё так же качая головой. Он засунул руки в карманы, плечи чуть сутулились, пока телефон продолжал пытаться соединиться.

А потом он струсил.

Он позволил звонку уйти на голосовую почту.

И стал ждать.

Он нажал цифру 1 и удержал. Поднёс телефон к уху, слушая и выдыхая медленными порциями воздуха. Теперь он развернулся полностью, прислонился спиной к окну, прижав голову к холодному стеклу. Он смотрел на фигуру в деревянном стуле, сердце колотилось.

Глаза женщины пару раз дрогнули, пока она притворялась спящей.

– Давай же, – пробормотал он. – Давай *же!* – сказал громче. – Алло! – заорал он в телефон, хотя это была всего лишь запись. Он поднял руку и откинул чёлку с глаз.

И тут включилась голосовая почта.

– Ханна? Ханна – это ты? – пауза. Запись продолжилась. – Я знаю, что это не Ханна. Кто ты такой, сукин сын? Кто?! Ты вообще знаешь, кто я, мать твою? Я тебя убью! Клянусь, если ты её тронул, я...

Джош Охана сбросил вызов. Он уставился на устройство, моргая. Кожа заколола, щёки вспыхнули, будто его только что хлестнули по лицу. По нему прокатилась знакомая волна стыда.

– Нет, – прошептал он. – Нет, нет, нет, – громче простонал он. Он взглянул на девушку, привязанную к стулу. И теперь она была настороже. Она узнала голос на записи, и в глазах вспыхнула искра надежды.

Но этот взгляд погас так же быстро, стоило ей заметить ярость в *его* глазах.

– Нет, нет, нет, – бормотал он. – Нет! – заорал он на неё. – Так не должно быть! Это неправильно! Что ты сказала, а? Ты подсунула мне кодовое слово? Какой-то сигнал тревоги? Что-то раньше? Скажи мне, тупая шлюха! – он сорвался, пнул стул и опрокинул его. Тот грохнулся на пол, и голова женщины отскочила от деревянных досок.

Голая земля гасила удары его тяжёлых шагов, когда он подошёл к ней. Он включил запись во второй раз, выставив телефон вперёд, будто обвиняющий палец, и бешено размахивая диктофоном по кругу. – Какого чёрта?! – орал он. – Что это, мать твою, *такое*?

Голосовая почта повторилась. И вместе с ней рассыпалась иллюзия. Смайлики-сердечки, ласковые разговоры и... *любовь* – всё исчезло.

Некоторые его жертвы держались неделями. Одна продержалась месяц. Копы не знали. Не понимали. Идиоты.

Но нет, не все. Не она.

– *Чёрт возьми!* – взревел он, подчёркивая слова пинком по поваленному стулу. Один из болтов разболтался и вылез. И он понял, что девушка пыталась вырваться, пока он не следил за ней.

Его снова накрыло яростью.

И он размахнулся телефоном, швырнул его об пол. Тот разлетелся вдребезги. Экран рассыпался тысячей мелких стеклянных осколков по полу. Под ногами хрустело стекло, пока он приближался к лежащей женщине.

Иллюзия умерла.

Она продержалась всего день.

Совсем недолго. Придётся искать другую.

– Ты мне ни на что не годишься, – сказал он пустым голосом. – Ни на что.

А потом развернулся и зашагал прочь из комнаты. – Я вернусь! – крикнул он. – Никуда не уходи! – добавил он напоследок, как последнюю, изошрённую жестокость – словно нож страха, вонзённый женщине под рёбра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.